

W 135
330

582
702

ПО ПОВОДУ ЗАБАСТОВОКЪ

ВЪ НАШИХЪ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЯХЪ.

Профессора П. И. Казанского.

№ 30921.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1905.

882
805

ПО ПОВОДУ ЗАБАСТОВОКЪ ВЪ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЯХЪ.

Отъ Московского Духовно-Цензурного Комитета печатать дозволяется.
Москва, Октября 13 дня 1905 года.

Цензоръ Протоиерей Иоаннъ Петропавловскій.

Горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ... Иже аще соблазнитъ единаго малаго сихъ вѣрюющиъ въ мнъ, уче есть ему, да обѣситъ жерновъ оселскій на винѣ его, и потонетъ въ пучинѣ морской (Матв. 18, 6, 7).

Съ театра военныхъ дѣйствій получаются извѣстія одно печальнѣе другого. Подобно острому кинжалу они пронзаютъ и рѣжутъ сердце каждого истинно русскаго человѣка; подобно ударамъ тяжелаго молота по головѣ они дѣйствуютъ на него оглушающимъ и ошеломляющимъ образомъ. Уже этого одного вполнѣ достаточно, чтобы у каждого русскаго человѣка, горячо любящаго свое отечество, стало мрачно и мучительно тяжело на душѣ. Но тяжесть его душевныхъ страданій увеличивается еще въ нѣсколько разъ, горечь сердечной скорби его становится еще острѣе отъ извѣстій о многочисленныхъ и разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ внутренней смуты, обезсиливающей русскій народъ и лишающей его возможности—съ единодушіемъ и полнымъ напряженіемъ силь вести тяжелую борьбу съ сильнымъ и лукавымъ виѣшнимъ врагомъ.

Въ ряду прискорбныхъ проявлений этой внутренней смуты, раздирающей теперь наше отечество, самымъ прискорбнымъ слѣдуетъ признать забастовки нашихъ учеб-

ныхъ заведеній. Онъ наносить глубокій и часто непоправимый вредъ умственному и нравственному развитію нашей учащейся молодежи; сумму гибельныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ забастовокъ, трудно исчислить, измѣрить и взвѣсить.—Какъ только появляется въ студенческой средѣ несчастная и зловредная мысль о забастовкѣ,—почти тотчасъ же нарушается правильное и спокойное теченіе жизни учебнаго заведенія: между студентами начинается броженіе и волненіе, начинаются сходки, происходятъ совѣщанія, произносятся рѣчи, загораются споры о тѣхъ или другихъ предметахъ, волнующихъ студентовъ и пр. и пр. Тутъ уже становятся невозможными правильное посѣщеніе лекцій, внимательное чтеніе относящихся къ той или другой специальности книгъ, спокойное и тишинательное производство опытовъ и наблюденій. Прискорбнѣе всего при этомъ то, что волненіе, начавшееся въ студенческой средѣ, захватываетъ не только инициаторовъ, агитаторовъ и приверженцевъ забастовки, но и всѣхъ остальныхъ, даже самыхъ осторожныхъ, благоразумныхъ, горячо преданныхъ своему прямому дѣлу студентовъ. При всемъ своемъ стараніи — быть по возможности дальше отъ начавшихся волненій, относиться къ нимъ какъ можно равнодушнѣ, они все-таки не могутъ сохранить въ душѣ своей свѣтлого настроенія, спокойствія и равновѣсія, столь необходимыхъ для успѣха умственнаго труда и научныхъ занятій. Случается даже, что горячо преданные наука и потому не сочувствующіе забастовкѣ студенты оказываются въ худшемъ и болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ агитаторы и приверженцы забастовокъ. Достигая своихъ безразсудныхъ, нелѣпыхъ, а иногда темныхъ цѣлей, послѣдніе все-таки находять въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе и удовлетвореніе, тогда какъ первымъ приходится испытывать похмѣлье въ чужомъ пиру, переносить тяжесть внутренняго противорѣчія. Сами они жаждутъ порядка, спокойствія, возможности всецѣло отдаваться научному труду, а давленіе товарищеской толпы ставить

для нихъ неодолимыя преграды къ осуществленію этихъ стремленій, увлекаетъ ихъ, вопреки ихъ желанію, въ противоположную сторону, принуждаетъ къ бездѣйствію и праздности, къ безплодной тратѣ времени.—Но вотъ цѣль достигнута, забастовка состоялась; университеты и другія высшія учебныя заведенія закрыты; чтеніе лекцій прекращено; тысячи студентовъ остались безъ дѣла и приуждены разсѣяться въ разныя стороны; большинство изъ нихъ вынуждено возвратиться въ неурочное время въ домы родителей. Между послѣдними едва ли много найдется такихъ, которые съ одобрениемъ и похвалою относятся къ забастовкамъ учащейся молодежи и смотрѣтъ на нихъ, какъ на свидѣтельство о политической зрѣлости нашихъ юношъ, какъ на подвигъ гражданскаго ихъ мужества и потому съ радостнымъ чувствомъ встрѣчаютъ появленіе своихъ сыновей не въ обычное время; напротивъ, большинство родителей на забастовки студентовъ смотрѣтъ, какъ на дѣло противозаконное и преступное, и потому съ тревогой и не сочувственно относятся къ участію въ нихъ своихъ сыновей и съ грустью и скорбью встрѣчаютъ ихъ при несвоевременномъ ихъ возвращеніи домой. Да и сами студенты, при такихъ обстоятельствахъ, чувствуютъ себя въ домѣ родителей какъ бы не на мѣстѣ, бродятъ какъ потерянные, не знаютъ, куда и къ чему себя пристроить. Рѣдкимъ изъ нихъ удается найти какое-нибудь разумное дѣло, полезныя занятія; большинство же изъ нихъ проводить время въ праздности и изнываетъ отъ скучи и, чтобы избавиться отъ нея, предается картижной игрѣ, пьянству и всякимъ пустымъ и предосудительнымъ развлеченіямъ. Не сомнѣваемся, что у многихъ изъ нихъ, среди навязанной имъ праздности, пробуждается сильное стремленіе къ серьезному труду, научной работѣ; но они лишены возможности возвращенія къ ней; непреодолимой преградой къ этому служитъ страшное *veto* студенческой громады. И вотъ вслѣдствіе забастовки у каждого студента, безъ всякой пользы для научнаго его

образованія, пропадаетъ, по крайней мѣрѣ, полгода, а иногда и цѣлый годъ, а для родины, для отечества въ общей сложности пропадаютъ цѣлые тысячи лѣтъ, которыя, при правильномъ употреблениі ихъ нашей молодежью, послужили бы, безъ сомнѣнія, къ весьма значительному увеличенію суммы благоденствія нашего отечества.

Но вредъ, причиняемый забастовками развитію нашего юношества, этимъ не ограничивается; онъ имѣютъ еще одну сторону, гибельно дѣйствующую на нравственное развитіе учащейся молодежи. Въ рукахъ революціонной партии, стремящейся произвести радикальный переворотъ въ государственной жизни нашего отечества, забастовки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ служатъ однимъ изъ многочисленныхъ средствъ къ поддержанію и усиленію смуты и беспорядковъ во внутренней жизни Россіи, средствомъ къ выраженію протеста противъ существующей системы государственного управлениія,—къ заявлению требованій разнообразныхъ перемѣнъ въ строѣ государственной жизни. Тысячи неопытныхъ юношъ, поступающихъ въ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія, сразу попадаютъ подъ вліяніе распространителей смуты и незамѣтно дѣлаются слѣпыми орудіями ихъ преступныхъ цѣлей. Попадая въ водоворотъ и сумятицу, производимые въ университетской жизни агитаторами забастовокъ, неопытные увлекающіеся юноши быстро усвояютъ возбужденное и мятежное настроеніе волнующейся толпы, пропитываются духомъ недовольства наличными условіями жизни, пренебреженіемъ и враждою къ существующимъ порядкамъ и строю жизни и скоро переходятъ въ ряды крайнихъ либераловъ и радикаловъ. Такимъ образомъ тысячи неопытныхъ юношъ, пришедшихъ въ университетъ для научнаго развитія, тотчасъ попадаютъ въ среду, которая лишаетъ ихъ душевнаго спокойствія, равновѣсія, свѣтлого и радостнаго настроенія духа, столь необходимыхъ для успѣха въ научныхъ занятіяхъ,—въ среду, где увлекаются не рѣшеніемъ научныхъ вопро-

совъ, а политикой, безоцѣнной критикой существующаго строя жизни, проектами желательныхъ реформъ въ жизни государства и общества и пр. Нѣть нужды говорить, что здѣсь при всемъ увлеченіи разнообразными государственными и общественными вопросами они не могутъ найти правильнаго и основательнаго разъясненія и рѣшенія: юные реформаторы приступаютъ къ рѣшенію этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ безъ достаточной научной подготовки и жизненного опыта; разсужденія и споры ихъ обѣ этихъ предметахъ отличаются болѣе горячностью, чѣмъ основательностью, служить выраженіемъ не ихъ собственныхъ убѣжденій, но являются отголоскомъ чужихъ мыслей и взглядовъ, какъ бы ребаческимъ лепетомъ и повтореніемъ чужихъ рѣчей, безъ достаточнаго пониманія заключающагося въ нихъ смысла, а что всего хуже—оказываются очень вредное вліяніе на учащуюся молодежь въ нравственномъ отношеніи: они способствуютъ развитію въ ней непомѣрнаго самомнѣнія, воображающаго, что какъ только юный, малосвѣдущій гимназистъ поступаетъ въ университетъ,—въ немъ совершается чудесное преобразованіе, изъ мало опытаю юноши онъ вдругъ становится зрѣлымъ мужемъ, глубокомысленнымъ государственнымъ человѣкомъ, способнымъ рѣшать государственные вопросы, судить о достоинствахъ и недостаткахъ системы государственного управлениія, имѣющимъ право—требовать перемѣнъ въ ней и предлагать свои проекты для ея усовершенствованія. Въ чаду этой одурманивающей атмосферы многія юные головы совсѣмъ утрачиваютъ ясность и трезвость мысли, способность самообладанія и при первомъ удобномъ случаѣ переходить въ ряды людей, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Отъ болтовни, отъ горячихъ, зажигательныхъ рѣчей и споровъ о разныхъ политическихъ вопросахъ они легко переходить къ дѣлу, становятся усердными распространителями въ народѣ разныхъ революціонныхъ идей, съ готовностью принимаютъ участіе во всякихъ рода противоправитель-

ственныхъ демонстраціяхъ, въ возбужденіи толпы, въ испытаніи по улицамъ красныхъ знаменъ, въ пѣніи революціонныхъ пѣсенъ и въ производствѣ многихъ другихъ уличныхъ беспорядковъ и безобразій... Печальный послѣдствія всего этого хорошо известны: тысячи юношей бросятъ свое прямое дѣло, забываютъ о своихъ занятіяхъ науками, теряютъ изъ виду истинную цѣль своего пребыванія въ учебномъ заведеніи; увлекаются призрачными, несуществимыми для нихъ цѣлями; то, что должно бы имѣть для нихъ значеніе первейшей обязанности, они оставляютъ въ пренебреженіи и забвѣніи, а на то, что должно бы имѣть для нихъ не болѣе, какъ третьестепенное значеніе, они обращаютъ все свое вниманіе, тратятъ свои молодыя силы и энергию. Дальнѣйшимъ не менѣе печальнymъ послѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что одни изъ студентовъ бываютъ лишены возможности кончить курсъ, а для другихъ нормальный курсъ удлиняется на два, на три лишнихъ года, которые не только не приносятъ никакой существенной пользы ихъ умственной и нравственной зрѣлости, но еще нерѣдко сопровождаются мучительнымъ сознаніемъ, что изъ золотого времени студентской жизни многое потрачено на пустяки, сила и энергія израсходованы не на то, на что слѣдовало бы ихъ употребить,— что приходится оставлять высшее учебное заведеніе и вступить въ жизнь съ ничтожными знаніями, безъ достаточной подготовки къ той дѣятельности, къ которой оно должно было подготовить, безъ вѣры въ себя, безъ свѣтлыхъ упованій, съ разстроеными нервами, съ потрясенными нравственными, а иногда и физическими силами.

Национацъ, не можемъ не указать еще на одно печальное послѣдствіе забастовокъ и соединенныхъ съ ними беспорядковъ и нестроений. Ими унижается и срамится прежде столь дорогое и уважаемое званіе студента высшаго учебнаго заведенія; благодаря имъ оно утратило свой блескъ и привлекательность и стало ненавистнымъ для всѣхъ честныхъ и здраво мыслящихъ людей, для всѣхъ, кому

необходима возможность спокойно заниматься своимъ на-
сущнымъ трудомъ,—кому дороги устои государственной, общественной и религіозно-нравственной жизни русскаго народа. Съ именемъ студента теперь у многихъ не безъ достаточнаго основанія соединяется представление о человѣкѣ, проникнутомъ духомъ революціи и анархизма, о бунтарѣ, возстающемъ противъ всякой власти, противъ законовъ и порядковъ общественной жизни, противъ всего, предъ чѣмъ благоговѣть и преклоняться православный русскій народъ. Вѣдь наши университеты давно уже слы-
вутъ очагами и источниками всякихъ волненій и беспо-
рядковъ и представляются чѣмъ-то вродѣ дѣйствующихъ сопокъ, периодически выбрасывающихъ изъ себя удушли-
вые газы, лаву и шлаки, вредные и гибельные для всего окружавшаго, — чѣмъ-то вродѣ «притоновъ политиче-
скаго и нравственнаго разврата». Особенно простой рус-
скій народъ въ послѣднее время враждебно настроенъ про-
тивъ студентовъ; онъ видѣтъ въ нихъ враговъ русскаго царя, православной церкви, виновниковъ политическихъ убийствъ, бунтовъ, волненій и нестроений всякаго рода. О проявленіяхъ народной ненависти и вражды противъ студентовъ мы имѣемъ не мало извѣстій. Напрасно наши либеральные газеты, мечтающія о радикальномъ перево-
ротѣ въ жизни нашего отечества и потому потворству-
ющія студентскимъ забастовкамъ, волненіямъ и беспо-
рядкамъ, враждебное отношеніе крестьянъ къ студентамъ стараются объяснить вліяніемъ на народъ статей нашихъ консервативныхъ газетъ (Моск. Вѣд., Гражданія, Нов. Врем. и т. п.); напрасно они стараются распространить убѣжденіе, что въ крестьянахъ и мѣщанахъ, торговцахъ и лавочникахъ разжигается и искусственно возбуждается вражда къ интеллигенціи и студентамъ проповѣдями на-
шихъ архипастырей и пастырей, kleymящихъ позоромъ забастовки и безчинства нашей учащейся, сбитой съ толку молодежи, — религіозно-нравственными чтеніями для на-

рода въ Московскомъ епархіальномъ домѣ¹); напрасно разные недобросовѣстные корреспонденты такихъ газетъ постоянно вричатъ и стараются всѣхъ увѣрить, что на студентовъ и интеллигентію нападаетъ въ разныхъ мѣстахъ какая-то черная сотня, будто бы подговоренная и организованная полиціей и другими какими-то тайными агитаторами, враждебно настроенными противъ всѣхъ людей передовыхъ и просвѣщенныхъ. Нѣть, господа! Вспышки народной вражды противъ студентовъ замѣчаются въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ газетъ почти совсѣмъ не читаются, проповѣдей архіерейскихъ не слышать, полиціи не видагъ. Причины народнаго негодованія надобно искать въ поведеніи университетовъ съ ихъ профессорами и студентами. Вотъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, почти постоянно въ университетахъ бываютъ волненія и беспорядки, дошедшіе, наконецъ, до крайнихъ предѣловъ. Нашему простому народу чужды превратныя воззрѣнія нѣкоторыхъ газетъ на студентческія забастовки и волненія, какъ на нѣчто достойное поощренія, одобренія и похвалы. Онъ судить о нихъ здраво и смотрѣть на нихъ какъ на дѣло противозаконное, какъ на мятежъ и

¹) Въ газ. „Право“ № 7, стр. 534 сообщается: „Въ Русск. Вѣдомостяхъ напечатано письмо въ редакцію, въ которомъ обращается вниманіе на то обстоятельство, что существующій въ Москвѣ епархіальный домъ, предназначенный для духовно-просвѣтительной дѣятельности, въ послѣднее время принялъ необычайный характеръ. Въ церкви говорится *политическая рѣчи* на злободневную тему въ крайне реакціонномъ духѣ. Съ церковной каѳедры бросаются въ лицо студентческой молодежи и русскому интеллигентному обществу обвиненіе въ крамолѣ и измѣнѣ“. Характерно это письмо, замѣтимъ мы отъ себя, и появление его въ Русск. Вѣдомостяхъ—органѣ, горячо запищающемъ свободу убѣждений, слова и печати. Автору письма очень бы хотѣлось захать ротъ тѣмъ проповѣдникамъ въ Ен. Домѣ, которые отзываются неодобрительно о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ студентовъ и интеллигентіи, и и. б. удастся ему достигнуть этой цѣли. Агитация въ этомъ направлениѣ уже началась (Русск. Лист. 22 февр.). Вотъ вамъ и свобода слова и убѣждений!

буить противъ власти и установленныхъ ею порядковъ, и виновниковъ такого противозаконнаго дѣянія считать достойными усмиренія и наказанія и по своему старается обуздатъ матежниковъ и помочь восстановленію нарушенного ими порядка. Нашъ простой народъ давно уже слышитъ о студентческихъ забастовкахъ и соединенныхъ съ ними безчинствахъ и беспорядкахъ и давно уже ждетъ, что начальство своею властью прекратить эти беспорядки, усмирить бунтующую молодежь, подворить миръ и тишину въ отечествѣ; но, видя, что ожиданія его не сбываются, что беспорядки продолжаются, виновники ихъ отбиваются отъ рукъ начальства, даже начинаютъ одолѣвать его, истребляя и избивая блюстителей закона и порядка, нашъ народъ начинаетъ думать, что настала пора ему самому приняться за усмиреніе бунтарей и прийти на помошь правительству въ дѣлѣ подворенія порядка. Вотъ гдѣ лежитъ истинная причина неоднократныхъ вспышекъ народной вражды и ненависти противъ студентовъ и интеллигентіи; вотъ въ чёмъ заключается самое естественное объясненіе того, что нашъ простой народъ по-добрительно и враждебно смотрѣть на студентовъ, и уже не разъ запосилъ на нихъ свой грубый и тяжелый кулакъ. Не статьи Моск. Вѣдомостей, не проповѣди въ церквяхъ, не подстрекательства полиціи виноваты въ томъ, что въ нашемъ долготерпѣливомъ народѣ пробудились кровожадные инстинкты; они вызваны самими виновниками убийствъ, скандаловъ, насилий, буйствъ, забастовокъ и др. беспорядковъ. Надъ ними исполняется правда народной пословицы: «что посыпалъ, то и пожнешь». Желающіе произвести государственный переворотъ въ нашемъ отечествѣ изъ всѣхъ силъ стремятся къ тому, чтобы расшатать и уронить значеніе существующей системы государственного управления и вырвать власть изъ рукъ теперешняго правительства, при помощи террора, при помощи убийствъ людей вѣрныхъ и преданныхъ ему, при помощи возбуждения недовольства, брожегія, волненій, забастовокъ

среди учащихся, рабочихъ, служащихъ всякаго рода, вообще, при помощи всякой внутренней смуты и беспорядковъ, и, достигнувъ такими средствами вожделынной для нихъ цѣли, надѣются ввести въ нашемъ отечествѣ новую систему государственного управления, поставить во главѣ государства новыхъ правителей по своему усмотрѣнію и вкусу. Но возставшіе противъ теперешняго правительства и дѣйствующіе противъ него убийствами и насилиемъ всякаго рода имѣютъ ли право и достаточное основаніе разсчитывать на то, что система государственного управления, *ими* измышленная, и правители, *ими* поставленные, будутъ признаны законными безпрекословно и всѣмъ русскимъ народомъ, и во всѣхъ найдутъ полную готовность подчиняться имъ? Увлекаясь своими мечтами о приближеніи «весны», не забываютъ ли они о томъ, что среди многомилліоннаго русскаго народа можетъ оказаться громадное, подавляющее большинство людей, рѣшительно не сочувствующихъ имъ и отрицательно и враждебно относящихъ къ проектируемому *ими* государственному перевороту? Захочеть ли это большинство безпрекословно подчиниться волѣ и планамъ реформаторовъ? Не вступить ли оно въ борьбу съ ними и не употребить ли противъ нихъ тѣхъ же средства насилия, въ какимъ прибѣгаютъ они въ настоящее время для уничтоженія теперешней законной власти? Мы уже знаемъ, что въ разныхъ мѣстахъ Россіи появились люди, враждебно настроенные противъ людей интеллигентныхъ, угрожающіе имъ погромомъ и наказаніемъ за ихъ сочувствіе конституціи и республикѣ. Въ появлениіи такихъ непріятныхъ интеллигентій людей многие видѣть результатъ чьего то тайного подстрекательства противъ интеллигентовъ. Такъ ли это? Не есть ли это начало протesta неисчислимаго множества простыхъ людей противъ того новаго верховнаго правительства, о которомъ мечтаютъ многие наши интеллигенты, и которое они насильственно хотятъ навязать всему русскому народу? Не есть ли это указаніе на то, что надѣ

женцами насильственного переворота въ нашемъ отечествѣ начинаютъ сбываться слова Спасителя: *всѣ, взиша мечъ, мечемъ погибнутъ?* (Ме. 26, 52).

Къ величайшему сожалѣнію, забастовки и соединенные съ ними беспорядки и безчинства стали обычнымъ явленіемъ не только въ нашихъ высшихъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, семинаріяхъ и пр. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта умственная и нравственная зараза занесена сюда извѣй, привита искусственно многимъ нашимъ подросткамъ, мальчикамъ отъ 15 до 17 лѣтъ, агитаторами противоправительственной пропаганды, давно уже проникшей въ наши среднія учебныя заведенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и такой офиціальный документъ, какъ циркуляр министра Народнаго Просвѣщенія поучителямъ учебныхъ округовъ отъ 28 июня 1903 года, гдѣ прямо говорится: «имѣются указанія, что среди учащихся въ средніхъ учебныхъ заведеніяхъ ведется въ широкихъ размѣрахъ противоправительственная пропаганда, порождающая много жертвъ столько же безразсудного, сколько и преступнаго движения». На это указываютъ и общіе характерные признаки, замѣчаемые почти во всѣхъ забастовкахъ средніхъ учебныхъ заведеній; почти всѣ они возникаютъ и продолжаются по одинаковому плану, по одинаковой программѣ: сначала бываютъ сходки, совѣщанія воспитанниковъ, на которыхъ назначаются день и часъ забастовки, вырабатываются будто бы «извѣстныя требования», затѣмъ, въ назначенное время программа забастовки приводится въ исполненіе: оставивъ свои учебные заведенія, воспитанники шумно, постепенно увеличивающей толпой идутъ по улицамъ, иногда съ красными знаменами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсень и пр. и пр. На это же указываетъ и одновременность забастовокъ: какъ только забастовываютъ учебныя заведенія одного города, сейчасъ же, какъ будто по командѣ, устроются забастовки учащихся и въ другихъ городахъ и по мотивамъ почти оди-

наконецъ, на это указываетъ и самое содержание предъявляемыхъ забастовщиками требованій, которыхъ будто бы выработаны ими самими, на самомъ же дѣлѣ даны имъ въ готовомъ видѣ двигателями происходящей между ними смуты. Съ содержаниемъ этихъ требованій желающіе могутъ подробно познакомиться чрезъ мартовскую книжку журнала «Образованіе» за вышішій годъ. Здѣсь, въ «Замѣткахъ публициста» перепечатана «петиція учащихся», выраженная дѣтьми въ семнадцати пунктахъ. Авторъ «Замѣтокъ» съ величайшою похвалой отзыается объ этой дѣтской петиціи: «дѣти, говорить онъ, превосходно оцѣниваютъ положеніе вещей въ современной школѣ; въ своихъ требованіяхъ они сжато и систематически формулируютъ все то, о чёмъ говорила до сихъ поръ рѣшительно вся печать, педагогическая общества, даже офиціальные отчеты». Но каждый пунктъ этой дѣтской петиціи съ непрекращаемой убѣдительностью доказываетъ, что она никакъ не можетъ быть признана произведеніемъ дѣтскихъ умовъ; напротивъ, все въ ней говорить о томъ, что она составлена людьми зрѣлыми, людьми съ твердо опредѣлившимися взглядами на систему образования и воспитанія, и въ готовомъ видѣ распространена между гимназистами и реалистами. Въ этой дѣтской петиціи прежде всего предъявляется требованіе, чтобы «проведена была коренная реформа средней школы согласно желаніямъ общества и при непосредственномъ участіи его представителей» (п. 1), чтобы «школа находилась подъ постояннымъ и непосредственнымъ контролемъ общества чрезъ его представителей» (п. 2). Для осуществленія этихъ коренныхъ реформъ средней школы дѣти требуютъ («мы требуемъ») немедленного соѣзва совѣщанія родителей при каждомъ учебномъ заведеніи..., участія родителей въ педагогическихъ совѣтахъ учебныхъ заведеній съ правомъ рѣшающаго голоса, свободнаго и всестороннаго обсужденія школьнаго вопроса въ печати, («мы требуемъ») немедленной отмены всѣхъ циркуляровъ, запрещающихъ

касаться внутренней жизни учебныхъ заведеній (заведеній?), немедленнаго уничтоженія обязательнаго преподаванія классическихъ языковъ и замѣны ихъ предметами общеблагодарительными, допущенія реалистовъ въ университеты наравнѣ съ окончившими гимназію и т. д. Какъ видитъ читатель, въ этой дѣтской петиціи все—и содержаніе, и форма, и тонъ не позволяютъ и на минуту усомниться въ томъ, что такой петиціи не могли составить гимназисты и реалисты т. е. мальчики, никакъ не старше 18 лѣтъ. Она—произведеніе людей опытныхъ и зрѣлыхъ. Впрочемъ, авторъ «Замѣтокъ публициста» откровенно говоритъ, что «свободительное движеніе, захватившее всѣ слои общества, не могло не отразиться въ средней школѣ и было переброшено сюда изъ семьи», что слѣд. забастовки среднечубныхъ заведеній со всѣми ихъ беспорядками и беспорядками по крайней мѣрѣ многихъ взрослыхъ и зрѣлыхъ людей и м. б. производились подъ ихъ руководствомъ и что дѣтскія требования, предъявляемыя при забастовкахъ, составлялись не дѣтьми, а ихъ родителями. По свидѣтельству автора «Замѣтокъ публициста», перепечатанная имъ петиція учащихся сначала печаталась тайно, какъ прокламація и распространялась во множествѣ экземпляровъ между воспитанниками среднихъ школъ.

Послѣ всего вышесказанного не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что происходившія забастовки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были плодомъ давнишней противоправительственной пропаганды, что воспитанники среднихъ школъ во всѣхъ этихъ смутахъ и волненіяхъ были не самостоятельными дѣятелями, а жалкими актерами, исполнявшими навязанную имъ роль, ничтожными и слѣпыми марионетками, двигавшимися и кривлявшимися по волѣ управлявшей и распоряжавшей ими руки, жертвами ужаснаго нравственного и политического сознанія,—что они превращены въ слѣпыя орудія для производства противоправительственныхъ демонстрацій, въ

средство доказать правительству, что въ нашемъ отечествѣ порядки и условия жизни повсюду такъ плохи, что это понимаютъ и противъ этого возстаютъ даже 10-лѣтніе мальчики.

Нужно имѣть немного здраваго смысла, чтобы понять, какъ смѣшна и унизительна для нашихъ дѣтей роль политическихъ дѣятелей и противоправительственныхъ демонстрантовъ, навязанная имъ агитаторами, и въ то же время какую нравственную порчу и расстройство вносить она въ чистыя и невинныя души мальчиковъ и подростковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не комично ли въ высшей степени, что подростки 18—17 лѣтъ вмѣстѣ съ мальчуганами отъ 14 лѣтъ и ниже, сбитые съ толку противоправительственной пропагандой, воображаютъ себя государственными дѣятелями, законодателями, благоустроителями государственной и общественной жизни,—дѣлаютъ сходки, устроютъ совѣщанія, дѣлаютъ постановленія о прекращеніи учебныхъ занятій, вырабатываютъ «извѣстныя требования», предъявляютъ ихъ къ исполненію, и, незамѣтно увлекаясь, переходятъ отъ смѣшныхъ выходокъ къ грубоствѣ и дерзостямъ, отъ комического къ преступному—устроютъ шумную процессію по улицамъ съ красными флагами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсень,—врываются въ другія учебные заведенія съ дерзкимъ требованіемъ прекратить учебные занятія, бьютъ стекла, на приглашеніе полиціи разойтись отвѣщаютъ на смѣшками и свистомъ и пр.? Если смѣшны бываютъ въ роли государственныхъ реформаторовъ студенты высшихъ учебныхъ заведеній, то не тѣмъ ли смѣшне воспитанники средней школы, желающіе играть роль преобразователей государственной и общественной жизни? Но смѣшная сторона мальчишескихъ забастовокъ быстро изчезаетъ въ нашемъ сознаніи при мысли объ ужасномъ вредѣ ихъ для умственного, а въ особенности для нравственного развитія юныхъ забастовщиковъ, и вмѣсто смѣха трепетъ ужаса потрясаетъ нашу душу. Принимая участіе въ забастовкахъ невинные,

неопытные мальчики, почти дѣти, невольно вовлекаются въ водоворотъ борьбы политическихъ партій и страстей, въ атмосферу ненависти, вражды и злобы людской, и чрезъ то сразу лишаются спокойнаго, свѣтлаго, бодраго и радостнаго настроенія, свойственнаго чистой дѣтской душѣ и составляющаго драгоцѣнное условіе для сосредоточеннаго и усиленнаго занятія учебными дѣлами. Можно ли думать мальчикамъ объ учебныхъ занятіяхъ, объ исправномъ приготовленіи данныхъ уроковъ, о внимательномъ отношеніи къ данной для сочиненія темѣ, къ данной для рѣшенія задачѣ, когда задумана въ учебномъ заведеніи забастовка, между товарищами начались броженіе, волненіе, сходки, совѣщанія, на которыхъ существующая система гимназического курса провозглашается никакуда негодной, иѣкоторые учебные предметы объявляются совершенно бесполезными и подлежащими устраниенію и исключенію? Дѣти сразу выбиваются изъ колеи, теряютъ вѣру въ смыслъ и полезность своихъ учебныхъ занятій и утрачиваютъ охоту и усердіе къ труду. Но это только первая и не самая важная серія вредныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ забастовокъ ~~для~~ развиція дѣтей. Самое ужасное зло дѣтскихъ забастовокъ заключается въ ихъ расстройствующемъ, гибельномъ дѣйствіи на дѣтей въ нравственномъ отношеніи. Что такое забастовка учебного заведенія? По внутреннему своему смыслу и значенію это есть не что иное, какъ самовольное, дерзкое возстаніе, бунтъ и мятежъ прежде всего противъ непосредственнаго начальства школы, а потомъ и противъ высшей власти, которая узаконила ту или другую систему воспитанія и обучения, установила тѣ или другіе порядки для извѣстнаго разряда школъ и для проведенія ихъ въ жизнь школы поставила въ ней начальниковъ и наставниковъ. Т. об. участіе дѣтей въ забастовкѣ есть участіе въ мятежѣ, въ возстаніи противъ начальства и высшей государственной власти и развиваетъ въ дѣтяхъ своею волею, распущенность, ~~неповиновеніе~~ начальству, непомѣрное самомнѣніе, пре-

небрежение къ закону и законодательной власти. А привлечение дѣтей къ участію въ шумныхъ уличныхъ манифестаціяхъ, составляющихъ необходимую принадлежность школьніхъ забастовокъ, не развиваетъ ли въ дѣтяхъ склонности къ разрушенію, къ проявленіямъ буйства и выходокъ, свойственныхъ грубой толпѣ, не прививаетъ ли имъ инстинкты и ухватокъ распущеніи уличныхъ мальчишекъ? Уже одна мысль, появляющаяся въ головахъ забастовщиковъ, что они теперь получили возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, независимо отъ начальства и даже протестовать не только противъ него, но и противъ верховной власти, способна опьянить взбудораженныхъ дѣтей и подстrekнуть ихъ къ самымъ непозволительнымъ и дерзкимъ выходкамъ и грубостямъ. А пощеніе красныхъ флаговъ и знаменъ и пѣніе революціонныхъ пѣсень во время уличныхъ процессій толпы забастовщиковъ чemu учить, къ чemu располагаетъ и подстrekаетъ нашихъ школьніковъ, изъ которыхъ значительнѣйшее большинство едва переступило черезъ порогъ невиннаго дѣтства? Страшно сказать—къ матежу, къ восстанию противъ царя, представителя верховной власти, Божія помаганника. Значитъ, подстrekающіе дѣтей къ школьнімъ забастовкамъ, привлекающіе ихъ къ участію въ противоправительственныхъ демонстраціяхъ и другихъ безчинствахъ, неразлучныхъ съ забастовками, вводятъ ихъ въ великій грѣхъ и страшный соблазнъ, толкаютъ ихъ на весьма опасный, кровавый путь,— путь, который приводить людей къ восстанию противъ верховной власти, къ политическимъ убийствамъ и цареубийствамъ. Во всякомъ случаѣ, вошедшія у насъ въ обычай и моду школьнія забастовки съ указанными выше, сопровождающими ихъ, преступными и безобразными явленіями служатъ вѣрѣйшимъ средствомъ къ уничтоженію въ нашемъ подрастающемъ поколѣніи чувства благоговѣнія къ Верховной Власти, составлявшаго доселѣ огличительное свойство русскаго народа.

Итакъ, съ какими ожиданіями и упованіями мы должны запрѣтъ на нынѣшнее молодое поколѣніе, вырастающее среди школьніхъ волненій и забастовокъ? Можемъ ли мы утѣшаться пріятною надеждою, что оно дастъ дорогой нашей родинѣ множество честныхъ, добросовѣстныхъ дѣтелей, готовыхъ для ея блага жертвовать всѣми своими силами и талантами, работниковъ, способныхъ оказать ей большія и цѣнныя услуги своею энергическою общественnoю дѣятельностью, которая, кромѣ умственныхъ силъ и талантовъ, требуетъ еще свободного подчиненія закону, добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, самоотверженного отреченія отъ своихъ эгоистическихъ желаній ради тѣхъ или другихъ высшихъ цѣлей, настойчиваго труда, терпѣлиаго и мужественнаго перенесенія разнаго рода неудобствъ, скорбей и даже страданій для блага своего народа и отечества? Увы, мы имѣемъ очень мало основаній для такихъ радостныхъ надеждъ и пріятныхъ ожиданій. Въ самомъ дѣлѣ, не отлетѣть ли отъ насъ такія свѣтлыя надежды, какъ только мы приведемъ себѣ на память то, что теперешняя молодежь чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ стала дышать атмосферой пропитанной духомъ возстанія и матежа противъ всяческой власти, что подъ влияніемъ волненій и забастовокъ на подчиненіе закону и власти наша молодежь привыкла смотрѣть какъ на тяжелое рабство, на каждого начальника, блюстителя закона и порядка, какъ на своего врага, на каждое его распоряженіе и требованіе, какъ на незаконное стѣсненіе свободы личности? Скорѣе надоѣло опасаться, что изъ среды нынѣшней молодежи на поприщѣ общественнаго служенія выступить много недоучекъ, а еще больше людей нравственно неустойчивыхъ, расшатанныхъ, своеувольнныхъ, капризныхъ, готовыхъ выходить изъ себя и первинчать при всякомъ неудобствѣ и незначительномъ стѣсненіи ихъ дѣйствій,— людей съ незначительными умственными и нравственными достоинствами, но съ громадными претензіями и самомнѣніемъ,— людей, которые, находясь

еще въ возрастѣ дѣтскаго неразумія и несмыслиности, уже получили внушеніе, что они имѣютъ право требовать коренныхъ реформъ и говорить высшей власти: *мы требуемъ!*.. Отъ всей души желаемъ, чтобы наши мрачныя предчувствія оказались совершенно невѣрными; но осуществимость этого желанія представляется намъ мало вѣроятно при мысли о томъ, какъ мало укоренены въ нашемъ подрастающемъ поколѣніи тѣ нравственные начала, на которыхъ утверждается всякая общественная жизнь, — уваженіе и почтительность къ родителямъ и старшимъ, готовность повиноваться начальникамъ и властямъ отъ писшой до самой высшей,—и, напротивъ, какъ глубоко пропиталось оно духомъ своееволія и анархіи—началами, дѣйствующими разрушительно на жизнь общества и государства.

Всѣ указанныя нами прискорбныя явленія въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній получаютъ еще болѣе прискорбный и мрачный характеръ, если мы обратимъ вниманіе на то, въ какое отношеніе нерѣдко становились къ школьнімъ забастовкамъ и къ соединеннымъ съ ними беспорядкамъ и безчинствамъ родители забастовавшихъ школьніковъ, начальники учебныхъ заведеній и граждане городовъ, въ которыхъ устроены были забастовки. Для характеристики этихъ отношеній мы находимъ богатый матеріалъ въ извѣстіяхъ о забастовкахъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Саратовѣ и Курскѣ¹⁾). Въ главныхъ существенныхъ чертахъ оба эти происшествія очень похожи другъ на друга. Эта одна и та же пьеса, только разыгранная разными исполнителями и на улицахъ двухъ разныхъ городовъ. Дѣйствующія лица какъ саратовской, такъ и курской забастовки исполняютъ свои роли почти совершенно одинаково и дѣйствуютъ по одной и той же ука-

занной имъ программѣ. И развязка этой прискорбной трагикомедіи въ томъ и другомъ мѣстѣ сопровождается въ сущности одинаковыми печальными послѣдствіями для неразумныхъ ея исполнителей, хотя въ Курскѣ эти печальные послѣдствія для нихъ приняли несравненно болѣе значительный размѣръ, чѣмъ въ Саратовѣ. Замѣчательно, что и отношенія родителей, начальства учебныхъ заведеній и гражданъ этихъ городовъ къ забастовкамъ школьніковъ тутъ и тамъ носятъ на себѣ типическія черты сходства. Когда о забастовкѣ саратовскихъ школьніковъ, сопровождавшейся по обыкновенію безчинствами на улицахъ, дерзкимъ вторженіемъ въ другія учебныя заведенія съ требованіемъ прекратить здѣсь занятія и противодѣйствіемъ распоряженіемъ полиції,—доведено было до свѣдѣнія гимназическаго начальства; тогда родителями учащихся въ саратовскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ внесено въ Думу такое ходатайство: «событія послѣднихъ дней въ Россіи вообще и въ Саратовѣ въ частности создали такую тяжелую общественную атмосферу, что не только взрослые, но и дѣти были совершенно выбиты изъ коленъ и долго не могли вернуться къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Встревоженные возбужденіемъ состояніемъ дѣтей и преисполненные горячимъ желаніемъ ихъ успокоить, родители обратились къ педагогическимъ совѣтамъ съ просьбою пріостановить на время занятія. Просьба эта была уважена. Совѣщанія администраціи учебныхъ заведеній съ родителями, живущими въ Саратовѣ и прибывшими изъ уѣздовъ, выяснили цѣлесообразность принятой мѣры, дѣти успокоились, почему на этихъ совѣщаніяхъ признано возможнымъ возобновить занятія. Тѣ же совѣщанія единогласно признали, что причины волненія дѣтей кроются *въ* условій жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Волненія эти явились результатомъ общихъ причинъ, коренящихся въ условіяхъ русской общественной жизни, ненормальность которыхъ признана съ высоты Престола, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Высочайший указъ отъ

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о первомъ изъ этихъ происшествій сообщены въ газетѣ *Право* № 4, стр. 277, а о второмъ въ *Рус. Вѣд.* № 47, стр. 3 и *Рус. Слово* № 50, стр. 3.

12 декабря 1904 г.—Всѣ эти обстоятельства приводят къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ (т.-е. въ своевольной забастовкѣ и грубомъ поведеніи воспитанниковъ гимназіи и др.) не можетъ быть вопроса о виновности отдельныхъ лицъ (коноводовъ забастовки), такъ какъ то или другое отношеніе къ указаннымъ событиямъ зависить отъ степени впечатлительности и первности ребенка. Поэтому серьезное наказаніе отдельныхъ лицъ явится глубокой несправедливостью и можетъ скоро нарушить спокойное течение школьнной жизни. Въ виду вышеизложенного родители просятъ городскую Думу возбудить ходатайство предъ Министромъ Нар. Пр. о томъ, чтобы чадогогические совѣты при обсужденіи поступковъ учениковъ не примѣняли къ нимъ высшей мѣры наказанія, а именно исключенія изъ заведенія, а равно и всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыхъ могутъ повести къ лишенію для нихъ возможности дальнѣйшаго высшаго образованія» (Право № 4, 1905 г., стр. 277 и д.).

Изъ этого ходатайства, представляющагося намъ въ высшей степени знаменательнымъ документомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, съ достаточнотою ясностью открывается, что и начальники среднихъ школъ въ Саратовѣ, и родители обучавшихся въ нихъ мальчиковъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ своемъ относились къ бывшей тамъ забастовкѣ съ достойнымъ всякаго осужденія сочувствіемъ и одобреніемъ. Это открывается съ одной стороны изъ того, что ни родители, ни начальники учебныхъ заведеній не употребили никакихъ мѣръ противодѣйствія затѣвавшейся воспитанниками забастовкѣ и ни единимъ звукомъ не выразили своего осужденія ей, съ другой стороны изъ того, что тѣ и другіе, соединившись вмѣстѣ, какъ видно изъ вышеупомянутаго ходатайства, не постыдились прибѣгнуть ко всическимъ софистическимъ ухищреніямъ какъ для отклоненія отъ себя возможныхъ обвиненій за допущеніе произошедшей забастовки, такъ и для оправданія непосредственныхъ и прямыхъ виновниковъ ея и для избавленія ихъ отъ заслуженнаго ими наказанія.

Мыслимо ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы забастовка гимназіи и реальнаго училища вспыхнула вдругъ, безъ предварительной ея подготовки, безъ сходокъ и совѣщаній между учениками? Мыслимо ли также, чтобы слухъ объ этомъ броженіи въ учебныхъ заведеніяхъ не дошелъ до начальниковъ учебныхъ заведеній, до родителей многихъ воспитанниковъ, наконецъ до отцовъ города? Учащаяся молодежь еще не настолько сдержанна и скрытна, чтобы вполнѣ могла сохранить тайну своихъ недобрыхъ замысловъ и затѣй. И однакожъ ни начальники учебныхъ заведеній, ни родители воспитанниковъ не обнаружили ни малѣйшей тревоги при вѣсти объ ожидаемой забастовкѣ; никто изъ нихъ и пальцемъ не шевельнулся, чтобы предотвратить это печальное явленіе.

Но когда разыграна была эта демонстративная трагикомедія и явилось опасеніе, что не только лица, принимавшія въ ней непосредственное и дѣятельное участіе, но и лица, благопріятствовавшія и потворствовавшія ей, могутъ подвергнуться значительной отвѣтственности и строгімъ наказаніямъ за самовольное прекращеніе занятій въ учебныхъ заведеніяхъ и за прошедшіе во время забастовки беспорядки и безчинства; тогда родители и начальники воспитанниковъ заволновались и вступили въ союзъ между собою, чтобы общими силами отвратить угрожавшую имъ опасность, и съ этой цѣлію устроили «совѣщанія администраціи учебныхъ заведеній со многими родителями воспитанниковъ». Здѣсь, безъ сомнѣнія, произошелъ обмѣнъ мыслей по вопросу о причинахъ бывшей забастовки и о степени виновности учениковъ, принимавшихъ въ ней участіе и при этомъ между родителями и начальниками учебныхъ заведеній обнаружилось замѣчательное единомысліе и сходство во взглядахъ, что и выразилось въ приведенномъ выше ходатайствѣ родителей. Въ немъ все направлено къ тому, чтобы доказать, что въ забастовкѣ никакъ не виноваты ни воспитанники, ни ихъ родители и воспитатели, что она есть не произведеніе

свободной воли тѣхъ или другихъ людей, а неизбѣжный результатъ вѣнчанихъ неблагопріятныхъ условій общественной жизни нашего отечества. По мнѣнію авторовъ указанного ходатайства, саратовская забастовка и обнаруженная при этомъ воспитанниками своею волею, грубость и дерзость не были проявленіемъ злой и испорченной воли воспитанниковъ, а составляли неизбѣжное слѣдствіе «тяжелой общественной атмосферы, образовавшейся вслѣдствіе событий послѣднихъ дней въ Россіи, событий, выбившихъ изъ колеи не только взрослыхъ, но и дѣтей». Можно ли послѣ этого порицать, осуждать, а тѣмъ болѣе подвергать какому бы то ни было наказанію учениковъ, самовольно прекратившихъ учебныя занятія и произведшихъ беспорядки и безчинства и въ учебныхъ заведеніяхъ и на улицахъ города? Вѣдь они событиями послѣднихъ дней были выбиты изъ колеи и не могли заниматься своимъ дѣломъ, — подъ давленіемъ тяжелой общественной атмосферы они утратили разумъ и свободу и уподобились дикимъ звѣрямъ, которые, вырвавшись на волю, нападаютъ на людей, врываются въ ихъ жилища! Точно также и родителямъ и начальникамъ учебныхъ заведеній нельзя ставить въ вину того, что они не успокоили волненія своихъ дѣтей и воспитанниковъ, принимавшаго опасный характеръ, и не употребили никакихъ мѣръ къ устранинію возможности забастовки съ ея печальными послѣдствіями: вѣдь и взрослые подобно дѣтямъ событиями послѣднихъ дней въ Россіи были выбиты изъ колеи и подъ давленіемъ «тяжелой общественной атмосферы» потеряли голову и не могли противодѣйствовать мальчишеской преступной затѣѣ. Что же касается внутреннаго строя, быта и направленія саратовскихъ учебныхъ заведеній; то здесь все обстояло вполнѣ благополучно, не существовало здесь ни вольнаго направленія мыслей, ни распущенности учениковъ, ни другихъ какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, могшихъ волновать и располагать учениковъ къ беспорядкамъ. Всякое сомнѣніе относительно этого пункта

рѣшительно устраниено «совѣщаніями администраціи учебныхъ заведеній съ родителями воспитанниковъ»: здесь выяснено и единогласно признано, что въ условіяхъ жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній не было причинъ и поводовъ къ волненіямъ и беспорядкамъ среди учащейся молодежи, что причины эти «кроются въ условій жизни мѣстныхъ учебныхъ заведеній», что волненія учащихся были «результатомъ общихъ причинъ, коренящихся въ условіяхъ русской общественной жизни, ненормальность которыхъ признана съ высоты Престола». Само собою понятно, что послѣ такого компетентнаго изслѣдованія и авторитетнаго рѣшенія этого вопроса уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что ни къ родителямъ воспитанниковъ, ни къ начальникамъ саратовскихъ учебныхъ заведеній нельзя предъявить никакого обвиненія по поводу происшедшей въ Саратовѣ забастовки, что ни тѣ, ни другіе не подлежать ни малѣйшей отвѣтственности за губительные беспорядки и безчинства, которые произошли во время забастовки. Такимъ образомъ изъ представленнаго родителями въ Думу ходатайства вытекаетъ, что въ забастовкѣ саратовскихъ учебныхъ заведеній никако не виноваты ли школьніки, ни родители ихъ, ни начальники саратовскихъ школъ, а виноваты въ пей исключительно «события послѣднихъ дней въ Россіи», созданная ими «тяжелая общественная атмосфера» и «ненормальность условій русской общественной жизни, признанная съ высоты Престола», или, иначе говоря, виновато во всемъ русское правительство и поддерживающая имъ система государственного управления, о чёмъ де засвидѣтельствовало и само оно въ своемъ указѣ отъ 12 декабря 1904 года. — Послѣдній выводъ изъ разматриваемаго нами ходатайства тотъ, что воспитанники саратовскихъ учебныхъ заведеній, какъ существа, «выбиты изъ колеи событиями послѣднихъ дней въ Россіи», дѣйствовавшія непроизвольно подъ непреодолимымъ давленіемъ на нихъ «тяжелой общественной атмосферы», не должны подлежать никакому на-

казанию за устроенную ими забастовку и сопровождавшие ее беспорядки и безчинства. «Всѣ эти обстоятельства, говорится въ ходатайствѣ, приводятъ къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ (забастовкѣ) не можетъ быть вопроса о виновности отдѣльныхъ лицъ... Поэтому серьезное наказаніе отдѣльныхъ лицъ явится глубокой несправедливостью... «Въ виду вышепозложеннаго родители просить городскую Думу возбудить ходатайство предъ министромъ Нар. Просв. о томъ, чтобы педагогическіе совѣты при обсужденіи поступковъ учениковъ не примѣняли къ нимъ высшей мѣры наказанія, а именно исключенія изъ заведенія, а равно и всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могутъ повести къ лишенію для нихъ возможности дальнѣйшаго высшаго образованія».

Возмутительны и достойны всякаго осужденія всѣ эти разсужденія, соображенія и выводы саратовскихъ гражданъ, исполненный фарисейскаго лицемѣрія и лукавыхъ софистическихъ ухищреній, направленныхъ къ тому, чтобы обѣлить и оправдать преступное и дерзкое поведеніе распущенной молодежи, — небрежное и халатное, а скорѣе всего сочувственное отношеніе начальства и родителей учениковъ къ подготовлявшейся забастовкѣ, которая ими и допущена была сознательно и намѣренно, какъ демонстрація «противъ ненормальности условій русской общественной жизни». Ужели родители саратовскихъ гимназистовъ и реалистовъ, — авторы поданного въ саратовскую Думу ходатайства, — не разумѣютъ, что становясь на ихъ точку зрѣнія можно оправдать всякое самое ужасное, самое гнусное и звѣрское преступленіе? Съ ихъ точки зрѣнія долженъ быть оправданъ всякий убийца, воръ, разбойникъ, истязатель дѣтей, поджигатель и пр. Вѣдь и каждый изъ нихъ можетъ сказать въ свое оправданіе, что событія послѣдніхъ дней въ Россіи выбили его изъ колеи и создали такую тяжелую общественную атмосферу, что подъ давленіемъ ея онъ утратилъ ясность разума и силу воли и не могъ удержаться отъ совершеннаго имъ преступленія. Ужели авторы упомянутаго ходатайства не

видятъ, что ихъ софистическими ухищреніями могутъ воспользоваться для своего оправданія всякие босяки, золоторотцы и вообще всякие темные люди, производящіе теперь повсюду погромы, грабежи, убийства, поджоги и другія преступленія? Вѣдь и они и всѣ подобные имъ люди могутъ сказать, что событія послѣдніхъ дней выбили ихъ изъ колеи и своимъ давленіемъ на нихъ толкнули ихъ къ совершенню ужасныхъ преступленій. Стоя на вышеупомянутой точкѣ зрѣнія, можно ли подвергать порицанію, негодованію, осужденію и привлекать къ ответственности людей, принадлежащихъ къ такъ наз. *черной сотнѣ*, которая производить нападеніе на студентовъ и интеллигентію, — можно ли возбуждать судебное преслѣдованіе противъ полицейскихъ чиновниковъ, позволяющихъ себѣ самоуправство, превышеніе данной имъ власти, грубое и жестокое обращеніе со студентами и гимназистами,участвующими въ забастовкахъ и производящими безчинства и беспорядки на улицахъ? И люди черной сотни и полицейскіе чиновники, противъ которыхъ теперь повсюду раздаются вопли негодованія, могутъ сказать въ свое оправданіе, что и они выбиты изъ колеи послѣдними событіями и не могутъ подлежать ответственности за свои поступки. Ужели родители саратовскихъ забастовщиковъ не разумѣютъ, что ихъ софизмами, направленными къ оправданію безпутнаго поведенія своеобразныхъ мальчишекъ, уничтожается различіе между добромъ и зломъ, отрицается нравственная свобода человѣка, вслѣдствіе чего послѣдній превращается въ игрушку окружающихъ его обстоятельствъ и совершающихъ около него событій?

Но допустимъ, что событіями послѣдніхъ дней дѣйствительно были выбиты изъ колеи и перво разстроены нѣкоторыя черезчуръ впечатлительныя и чувствительныя дѣти, такъ что не могли заниматься своими учебными дѣлами; но это, безъ сомнѣнія, было не мало и такихъ, которые сохранили въ себѣ достаточно спокойствія и силъ про-

должать свои школьные занятия. Следовательно первое разстройство некоторых не могло служить достаточным основанием к массовым забастовкам, к забастовкам целыми учебными заведениями, а тем более к демонстративным процессиям по улицам съ неподбѣжными при этомъ беспорядками и безчинствами. Что препятствовало начальству учебныхъ заведений — воспитанниковъ, действительно больныхъ и перво-разстроенныхъ до невозможности заниматься своимъ дѣломъ, освободить отъ занятий, посовѣтовать имъ для успокоенія первовъ обратиться къ врачебной помощи и даже на время совсѣмъ удалить изъ заведенія? Съ другой стороны что мѣшало учительскому персоналу продолжать свои занятия съ тѣми воспитанниками, которые остались здоровыми и способными къ дѣлу? Но это было бы не согласно съ видами тѣхъ, которымъ желательна была забастовка учебныхъ заведений; имъ необходимо было новлечь въ это преступное дѣло и тѣхъ воспитанниковъ, которые не были перво-разстроены и чувствовали себя способными продолжать занятия; имъ желательно было привлечь на свою сторону большинство и большинствомъ принудить къ подчиненію своимъ видамъ и остальныхъ воспитанниковъ. Извѣстно, какъ плохо приходится въ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ воспитанникамъ, которые не захотѣли бы присоединиться къ шайкѣ забастовщиковъ, — которые, будучи перво- здоровыми и способными заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, не захотѣли бы объявить себя больными и неспособными къ дѣлу! Противъ нихъ гроано возстали бы всѣ приверженцы стачки, противъ нихъ бы было школное общественное мнѣніе, противъ нихъ бы были употреблены угрозы и можетъ быть насилие! И мѣры принужденія и насилия забастовщиками примѣняются не только къ своимъ ближайшимъ товарищамъ, воспитанникамъ одного съ ними заведенія, но и къ воспитанникамъ другихъ заведений (факты изъ истории саратовской и курской забастовки). Все это съ достаточной ясностью говорить о томъ, что

забастовки нашихъ учебныхъ заведений возникаютъ не вслѣдствіе перваго разстройства воспитанниковъ, а отъ другихъ виѣшнихъ вліяній... Впрочемъ намъ думается, что, по крайней мѣрѣ, многѣ изъ участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ администраціи саратовскихъ учебныхъ заведений съ родителями и подписавшихъ упомянутое выше ходатайство хорошо понимали все это, но позволили *сердцу* своему уклониться *къ словамъ лукавымъ для извиненія дѣлъ грѣховныхъ вмѣсть съ людьми, дѣлающими беззаконіе* (Псал. 140, 4).

И къ забастовкѣ, бывшей 12 февраля въ Курскѣ и окончившейся столь плачевно, родители, воспитатели учениковъ и начальники учебныхъ заведений обнаружили почти такое же отношеніе, какъ и въ Саратовѣ, т.-е. не употребили никакихъ мѣръ противодѣйствія подготовившейся забастовкѣ всѣхъ учебныхъ заведений и потому, когда забастовка эта была устроена и привела къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, — подобно Пилату стали умывать свои руки, старались устранить отъ себя вскую отвѣтственность за совершившееся благодаря ихъ небрежности и попустительству столь печальное происшествіе и старались всячески доказать, что курская забастовка имѣла столь печальный и плачевный конецъ исключительно по винѣ курской полиції.

Изъ корреспонденціи *Русскихъ Вѣдомостей* видно, что въ городѣ многимъ за нѣсколько дней до 12 февраля было извѣстно о готовящейся забастовкѣ учащихся, а наканунѣ — 11 февраля всѣ знали, что забастовка подготовлена и рѣшена: «вчера, 11 февраля, сообщается въ корреспонденціи *P. B.*, всѣ учащіеся рѣшили забастовать, выработавъ извѣстныя требования». И однако же ни со стороны начальниковъ учебныхъ заведений, ни со стороны гражданъ города, ни со стороны родителей учениковъ, затѣявшихъ не доброе, не свойственное ихъ возрасту дѣло, не было употреблено никакихъ серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ успокоенію волнующейся молодежи, къ

устраненію возможности открытой забастовки съ неизбѣжными при этомъ безпорядками. Отъ чего бы именно въ тревожные дни, предшествовавшіе забастовкѣ, гражданинъ города не созвать экстренаго собранія Думы и если нужно, то и собранія общественнаго клуба, не пригласить сюда начальниковъ учебныхъ заведеній и родителей воспитанниковъ для обсужденія рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію волненій молодежи и къ противодѣйствію затѣвавшейся забастовкѣ? Отъ чего бы здѣсь не сдѣлать обязательнаго постановленія, чтобы родители не отпускали изъ дома своихъ, особенно малолѣтнихъ, дѣтей въ учебныя заведенія въ день рѣшенній забастовки¹⁾? Отъ чего бы имъ, въ крайнемъ случаѣ, не прибѣгнуть къ рѣшенію — ходатайствовать предъ начальствомъ о прекращеніи на время учебныхъ занятій въ школахъ и проч.? Тогда учебныя заведенія и улицы г. Курска не видѣли бы тѣхъ грубыхъ и дерзкихъ выходокъ со стороны шумной толпы разбушевавшихъ мальчиковъ и тѣхъ горестныхъ и плачевыхъ сценъ, разыгравшихъ во время борьбы, произошедшей между полиціей и забастовщиками. Тогда бы не пришлось гласнымъ Думы, членамъ клуба и родителямъ учащихся испытывать тѣхъ душевныхъ волненій и страданій, какія, по словамъ корреспондента *P. B.*, испытали они послѣ т. н. курсаго избѣженія; тогда не пришлось бы дѣлать имъ запоздалыхъ, а потому мало полезныхъ резолюцій о подачѣ министру внутр. дѣлъ жалобы на дѣйствія полиціи, не устраняющихъ прискорбнаго курсаго происшествія протестомъ и возваній, — не пришлось бы родителямъ истерически рыдать о своихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, принявшихъ участіе въ забастовкѣ и получившихъ значительные побои отъ полицейскихъ, мясниковъ и лавочниковъ. Почему же граждане города, начальники учебныхъ заведеній и родители учащихся въ нихъ, зная о готовящейся забастовкѣ, пребывали въ равнодушномъ спокойствіи и не считали нужнымъ оказать противодѣйствіе ей? Подъ такимъ равнодушіемъ не скрывалось ли сочувственное отношеніе къ готовившейся забастовкѣ, какъ выраженію протеста противъ событий послѣдніхъ дней въ Россіи? Къ величайшему прискорбію, у насъ на Руси существуетъ не мало родителей и воспитателей юношества, которые на забастовки учащейся молодежи смотрятъ какъ на вполнѣ законный, протестъ противъ существующей системы государственного управления, какъ на дѣло, достойное всякаго одобренія и поощренія. Саратовскіе отцы города, начальники учебныхъ заведеній и родители школьнниковъ, повидимому, принадлежать къ разряду такихъ именно людей; о курскихъ не рѣшаемся утверждать этого, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній. О нихъ скорѣе и съ большимъ правомъ можно утверждать, что ихъ равнодушное отношеніе къ подготавливавшейся забастовкѣ учениковъ вытекало изъ *наицнаго ихъ убѣжденія*, что забастовка учащихся есть совершенно невинное и безопасное занятіе, и движеніе толпы забастовщиківъ по улицамъ города можетъ совершаться вполнѣ мирно, безъ всякихъ непріятныхъ осложненій и безпорядковъ. Такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, на основаніи словъ одного курсаго обывателя, свидѣтеля курской забастовки: «12 февраля, разсказываетъ онъ корреспонденту,

¹⁾ Послѣ курской забастовки губернаторомъ опубликовано слѣдующее распоряженіе: «Въ виду прекращенія занятій въ иѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Курска и возникшихъ уличныхъ безпорядковъ, курскій губернаторъ признаетъ необходимымъ предупредить населеніе, что никакія сборища и демонстративныя шествія не будутъ допускаться и къ устраненію всякихъ массовыхъ безпорядковъ будутъ приняты рѣшительныя мѣры, предписаныя закономъ. Объявляя о семъ, курскій губернаторъ обращается къ публикѣ съ просьбою избѣгать всякаго участія въ уличныхъ сборищахъ и родственниковъ учащихся просить удерживать послѣдніхъ своимъ вліяніемъ отъ хожденія по улицамъ города безъ особой необходимости» (*Право* № 7, 534 стр.). Если бы подобное распоряженіе сдѣлано было губернаторомъ за день или за два до подготавливавшейся забастовки, то не всей вѣроятности 12 февраля не было бы того прискорбнаго происшествія, о которомъ здѣсь здѣсть рѣчь.

иеній и страданій, какія, по словамъ корреспондента *P. B.*, испытали они послѣ т. н. курсаго избѣженія; тогда не пришлось бы дѣлать имъ запоздалыхъ, а потому мало полезныхъ резолюцій о подачѣ министру внутр. дѣлъ жалобы на дѣйствія полиціи, не устраняющихъ прискорбнаго курсаго происшествія протестомъ и возваній, — не пришлось бы родителямъ истерически рыдать о своихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, принявшихъ участіе въ забастовкѣ и получившихъ значительные побои отъ полицейскихъ, мясниковъ и лавочниковъ. Почему же граждане города, начальники учебныхъ заведеній и родители учащихся въ нихъ, зная о готовящейся забастовкѣ, пребывали въ равнодушномъ спокойствіи и не считали нужнымъ оказать противодѣйствіе ей? Подъ такимъ равнодушіемъ не скрывалось ли сочувственное отношеніе къ готовившейся забастовкѣ, какъ выраженію протеста противъ событий послѣдніхъ дней въ Россіи? Къ величайшему прискорбію, у насъ на Руси существуетъ не мало родителей и воспитателей юношества, которые на забастовки учащейся молодежи смотрятъ какъ на вполнѣ законный, протестъ противъ существующей системы государственного управления, какъ на дѣло, достойное всякаго одобренія и поощренія. Саратовскіе отцы города, начальники учебныхъ заведеній и родители школьнниковъ, повидимому, принадлежать къ разряду такихъ именно людей; о курскихъ не рѣшаемся утверждать этого, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній. О нихъ скорѣе и съ большимъ правомъ можно утверждать, что ихъ равнодушное отношеніе къ подготавливавшейся забастовкѣ учениковъ вытекало изъ *наицнаго ихъ убѣжденія*, что забастовка учащихся есть совершенно невинное и безопасное занятіе, и движеніе толпы забастовщиківъ по улицамъ города можетъ совершаться вполнѣ мирно, безъ всякихъ непріятныхъ осложненій и безпорядковъ. Такъ можно думать, по крайней мѣрѣ, на основаніи словъ одного курсаго обывателя, свидѣтеля курской забастовки: «12 февраля, разсказываетъ онъ корреспонденту,

первою забастовала классическая гимназия, и ученики толпою, но *вполне мирно* направились по московской улицѣ... По тону дальнѣйшаго разсказа этого свидѣтеля выходило такъ, что если бы забастовщики не встрѣтили нѣкоторыхъ препятствій для своихъ плановъ со стороны начальства нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, а особенно со стороны полиціи; то на улицахъ Курска не произошло бы никакихъ беспорядковъ, и забастовка кончилась бы совершенно мирно и благополучно, безъ всякихъ печальныхъ осложненій. Но такая *наивность* взгляда на сущность и значение ученическихъ забастовокъ въ людяхъ мало-мальски развитыхъ и зрѣлыхъ непростительна и не освобождаетъ ихъ отъ отвѣтственности за крайне печальные послѣдствія забастовки. Уже сама по себѣ, по своей сущности ученическая забастовка, какъ мы уже замѣтили выше, есть дѣйствіе преступное и возмутительное, если бы даже произошла она совершенно мирно и кончилась *вполнѣ* благополучно. Вѣдь это есть бунтъ, восстаніе противъ законной власти, установившей извѣстный строй жизни и занятій въ школахъ,—нарушеніе общественного спокойствія, обнаруженіе со стороны недозрѣлыхъ юношъ и мальчиковъ самоволія и дерзости, преступнаго и ни на чёмъ не основаннаго притязанія на неограниченный произволъ дѣйствій. Но забастовки, какъ движенія *взволнованной* и *наэлектризованной* духомъ сопротивленія толпы, почти никогда не кончаются *вполнѣ* мирно и благополучно. Трудно представить, чтобы большая толпа молодежи *взволнованная*, какъ бы заряженная и опьяненная духомъ сопротивленія и протesta, могла итти по улицамъ *мирно*, благоприлично, безъ проявленія дерзостей и грубостей въ отношеніи къ людямъ, не принадлежащимъ къ этой толпѣ и не сочувствующимъ ей: дерзкія и грубыя выходки всякаго рода, повидимому, составляютъ необходиимую принадлежность всякой демонстраціи. Такъ дѣйствительно и было при забастовкѣ въ саратовскихъ и курскихъ учебныхъ заведеній. И тутъ, и тамъ толпа учениковъ

шумно идетъ по улицамъ города, насильственно врывается въ учебныя заведенія, грубо и дерзко требуетъ, чтобы воспитанники и этихъ школъ прекратили занятія и приняли участіе въ начавшейся забастовочной процессіи,—встрѣчаясь съ полицейскими, оказываетъ сопротивленіе ихъ распоряженіямъ и требованіямъ разойтись. Въ Саратовѣ ученическая забастовка кончилась сравнительно благополучно, и столкновеніе толпы забастовщиковъ съ полицейскими не имѣло особенно печальныхъ послѣдствій для своеольныхъ мальчиковъ,—хотя нѣкоторые изъ нихъ и получали удары нагайкой... Въ Курсѣ забастовочное дѣло пришло очень широкіе размѣры и сопровождалось очень печальными послѣдствіями для неразумныхъ забастовщиковъ. Мы не будемъ передавать подробностей этого прискорбнѣйшаго события. Желающіе знать ихъ пусты прочтутъ корреспонденцію *Русскихъ Вѣдомостей* подъ заглавіемъ: «Курское избіеніе» (№ 47).

Но отсылая читателей за подробностями этого происшествія къ указанной выше корреспонденціи, мы считаемъ себя обязанными сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно характера этой корреспонденціи. Въ ней есть нѣчто такое, что не располагаетъ читателя относиться къ словамъ автора съ полнымъ довѣріемъ. Прежде всего мы не должны забывать, что авторъ этой раадирающей душу корреспонденціи не былъ очевидцемъ ученической забастовки съ начала и до конца ея, онъ не видаль ни начала ея, ни послѣдующихъ весьма важныхъ моментовъ ея, а былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ только «послѣднаго акта этой драмы». Все, что говорить онъ о началѣ и послѣдующихъ моментахъ забастовки, о движеніи забастовочной процессіи по улицамъ города, мимо учебныхъ заведеній,—о томъ, какъ вели себя гимназисты во время процессіи, какъ держали они себя по отношенію къ полиціи и послѣдняя по отношенію къ нимъ, чѣмъ было вызвано первое враждебное столкновеніе между забастовщиками и полицейскими,—все это и многое другое корреспондентъ опи-

сывается со словъ «перваго попавшагося ему знакомаго», безъ провѣрки этого разсказа показаніями другихъ свидѣтелей. Кто знаетъ, какъ при необычныхъ происшествіяхъ, собирающихъ большую пеструю толпу народа и волнищихъ ее, быстро возникаютъ и распространяются преувеличенніе и даже совершенно невѣрные слухи, искажающіе дѣйствительность, тѣтъ имѣть достаточное основаніе предположить, что корреспондентъ *P. B.* могъ невольно впасть въ ошибку, изобразить это печальное происшествіе не точно и односторонне именно потому, что довѣрился разсказу «перваго попавшагося ему знакомаго». Да и то, что онъ описываетъ какъ очевидецъ, не отличается характеромъ точности и основательности и не винить намъ довѣрія къ его словамъ. Въ его описаніи «послѣднаго акта этой печальной драмы» мы встрѣчаемся съ непровѣренными предположеніями и схваченными на лету слухами, преувеличенніями, бьющими на эффектъ фразами. Такъ авторъ утверждаетъ, что мясники, краснорадцы, мелкіе торговцы, нападавшіе на произведеніи безпорядки школьніковъ, были напередъ организованы и подговорены полиціей къ тому, чтобы «избивать» воспитанниковъ, и утверждаетъ это только на томъ единственномъ основаніи, что это ему показалось несомнѣннымъ и очевиднымъ, — что вообще враждебное настроеніе нынѣшихъ слоевъ городскихъ обывателей противъ распущеній и производящихъ безпорядки школьніковъ и противъ потакающихъ и потворствующихъ имъ интеллигентовъ есть результатъ будто бы возбужденія со стороны полиціи и что наконецъ будто бы толпой смертельно избиты землемѣръ и студентъ и что послѣдній уже умеръ (?). Кромѣ этого, рассматриваемая корреспонденція, при вдумчивомъ чтеніи ея, невольно возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе относительно беспристрастія ея автора къ лицамъ, прикованнымъ къ этому происшествію. Въ самочтѣ дѣлъ, въ этой корреспонденціи невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ ней нѣтъ ни единаго

слова въ порицаніе и осужденіе поведенія учениковъ, устроившихъ забастовку и произведеніи смутеніе и беспорядки на городскихъ улицахъ, и напротивъ вся сила порицанія, осужденія и гибѣва направлена противъ полиціи. Все, говорящее не въ пользу забастовщиковъ, все, компрометирующее ихъ поведеніе, въ корреспонденціи отчасти смягчено, затушевано, отчасти замолчано; напротивъ, всѣ дѣйствія и распоряженія полицейскихъ чиновъ представлены въ самомъ непривлекательномъ и даже ужасномъ видѣ. Такъ движение толпы забастовщиковъ по улицамъ въ корреспонденціи изображается вполнѣ мирнымъ, а между тѣмъ эта толпа ломилась въ ворота женской гимназіи, реального училища, выбила здѣсь нѣсколько стеколъ въ окнахъ и такимъ способомъ передала реалистамъ очевидно заранѣе приготовленную зловонную жидкость, чтобы насильственно прекратить занятія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, — на увѣщанія мѣстной полиціи — разойтись отвѣчала криками и свистками и въ средѣ этой «мирной» толпы молодежи оказались люди, вооруженные кистенемъ, финскимъ ножемъ и кинжаломъ и употребившіе ихъ въ дѣло противъ полиціи. Ужели всѣ эти дѣйствія разбушевавшейся толпы мальчиковъ не заслуживаютъ ни малѣшаго порицанія и осужденія? Ужели ими не возмущено чувство корреспондента? Совсѣмъ иначе относится корреспондентъ къ полиціи: для изображенія ея дѣйствій во время забастовки онъ не жалѣтъ мрачныхъ красокъ. Въ корреспонденціи полицейскіе чиновники представлены дѣйствующими противъ забастовавшихъ воспитанниковъ съ предательскою и злобною жестокостью: будто не дѣла никакихъ распоряженій къ прекращенію беспорядковъ, произведенныхъ толпой школьніковъ, полицейскіе идутъ молча, слѣдить за ними, какъ за дичью, и, выждавъ удобный моментъ для нападенія, вдругъ, исподтишка набрасываются на этихъ скромныхъ и тихихъ мальчиковъ и начинаютъ производить ужасное избиеніе этихъ невинныхъ младенцевъ и будто совершаютъ это преступное дѣло и

сами непосредственно и при посредствѣ подговоренной и организованной ими для этого толпы мясниковъ, лавочниковъ, краснорядцевъ и пр. Но въ дѣйствительности отношеніе полиціи къ забастовавшей молодежи было далеко не такимъ, какимъ оно представлено въ корреспонденціи. Мѣстная полиція обращалась къ забастовщикамъ съ увѣщаніями разойтись и прекратить беспорядки; но они, подстрекаемые интелигентной публикой, критиковавшей дѣйствія и распоряженія полиціи, отвѣчали криками и свистками. Она принесла мѣры къ очищению улицы предъ зданіемъ женской гимназіи; но встрѣтила вооруженное сопротивленіе со стороны забастовавшей молодежи¹). Что же касается озлобленія мелкихъ торговцевъ, лавочниковъ и краснорядцевъ противъ забастовавшихъ учениковъ, то оно вызвано не подстрекательствомъ полиціи, а буйнымъ поведеніемъ забастовщиковъ, позволившихъ себѣ разбить стекла въ некоторыхъ магазинахъ, и насмѣшками надъ распоряженіями полиціи²). Все это краснорѣчиво говорить

¹⁾ Русск. Слово № 50, 1905 г., стр. 3.

²⁾ Въ Перми 15 мая сего года „толпа до 100 человѣкъ, преимущественно учащихъ и учащихся, произвела дважды уличную демонстрацію политического характера. Демонстранты стрѣляли изъ револьвера, бросали камни, били окна, раненъ тремя пулями городовой... (Русск. Слово, № 130, стр. 2). Очевидно, демонстраціи учащихся постепенно развиваются и принимаютъ все болѣе откровенный и дерзкій характеръ; сначала учащіе дѣйствовали на улицахъ одинъ, въ видѣ застрѣльщиковъ; теперь выступаютъ на сцену и ихъ руководители—учащие и, открыто соединившись съ первыми, производить на улицахъ волюющіе беспорядки, безчинства и буйства. Удивительно ли, что мирные жители озлобляются противъ такихъ буйныхъ нарушителей общественного порядка и спокойствія, наносящихъ значительный ущербъ имуществу мирныхъ жителей? Здѣсь кстати приведемъ недавній фактъ въ подтверждение нашихъ мыслей о крайне вредныхъ послѣдствіяхъ забастовокъ для нашей учащейся молодежи. „Нежелание рабочихъ студентовъ мѣстного Политехническаго Института учиться лишило ихъ возможности получить практику на гѣтніе мѣсцы. На 140 запросовъ, сдѣланныхъ дирекціей мѣстнаго

намъ о томъ, съ какою осторожностью надобно относиться къ газетнымъ корреспонденціямъ, часто не точнымъ, не провереннымъ, а иногда и тенденціознымъ. Авторы ихъ мало думаютъ, да и не имѣютъ времени думать о соблюдении правды и беспристрастія; ихъ главная забота состоить въ томъ, чтобы поскорѣе сообщить своей газетѣ животрепещущее сенсаціонное извѣстіе и произвести имъ, если нужно, какъ можно большій шумъ и переполохъ.

«О, скажутъ, это—рѣчи ретрограда, защитника нашей ненавистной всѣмъ полиціи! Можно ли слушать ихъ?...

Политехническаго Института, 78 запросовъ оставлено безъ отвѣта, а 30 заводовъ и желѣзодорожныхъ управлений отвѣтили отказомъ и частью въ весьма рѣшительномъ тонѣ. Характеръ по своей мотивированкѣ слѣдующій отвѣтъ: „Циркулярно. На письмо вашего Превосходительства отъ 17 декабря 1904 г., за № 4263, управление Брянскаго завода симъ имѣть честь сообщить, что оно въ текущемъ году не будетъ принимать на практику студентовъ высшихъ техническихъ заведений, какъ это дѣло до сихъ поръ постоянно. Основаніемъ для этого рѣшенія послужило, во-первыхъ, опасение о нежелательномъ вліяніи молодыхъ увлекающихся людей, привыкшихъ въ массѣ заниматься политическими вопросами, на рабочихъ, среди которыхъ и теперь замѣчается сильное броженіе не столько экономического, сколько политического характера, и во-вторыхъ сознаніе безполезности практики для людей, не имѣющихъ достаточной подготовки, получить которую было невозможно вслѣдствіе постоянныхъ забастовокъ, и отвѣвшихъ, кроме того, по той же причинѣ отъ правильной систематической работы.—Сообщая вашему превосходительству о настоящемъ рѣшеніи, управление завода имѣть честь обратить вниманіе вашего превосходительства, что заводъ постоянно давалъ работу массѣ русскихъ инженеровъ, но въ послѣднее время, вслѣдствіе нарушенія правильнаго хода занятій въ русскихъ высшихъ техническихъ заведеніяхъ, вынужденъ обращаться къ иностраннѣмъ инженерамъ, въ виду недостаточной технической подготовки, замѣченной въ русскихъ инженерахъ“. (Моск. Вѣд. 1905, № 106, 19 апр. стр. 2). Фактъ этотъ опубликованъ въ печати уже послѣ того, какъ начало нашей статьи было напечатано и потому онъ не могъ быть указанъ нами тамъ, где ему слѣдовало находиться по требованію логической связи нашихъ мыслей и приводится здѣсь нами въ видѣ приложения и дополненія къ началу нашей статьи.

На это считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы вовсе не принадлежимъ къ числу поклонниковъ нашей полиціи,— къ числу людей, считающихъ вполнѣ правильными и законными всѣ ея дѣйствія и распоряженія; мы хорошо знакомы съ крупными недостатками многихъ ея представителей—ихъ грубостью, дерзостью, самоуправствомъ и склонностью къ превышенію данной имъ власти. Но чувство справедливости не позволяетъ намъ произносить надъ полиціей осужденіе на основаніи показаній только одной, ея враждебной стороны, не выслушавши показаній ея самой. Никто не лишается закономъ права сказать слово въ свою защиту и оправданіе. Извѣстно, что по этому дѣлу назначено судебнѣе слѣдствіе, которое безъ сомнѣнія лучше и безпристрастнѣе уяснить и раскроеть истинныя причины и обстоятельства курскаго происшествія, чѣмъ корреспонденція *P. Вѣдомостей*. Но къ какимъ бы результатамъ ни привело это слѣдствіе по вопросу относительно степени виновности полиціи въ курскомъ происшествіи,— мы всетаки никакъ не можемъ согласиться съ мыслью о томъ, будто вся вина «курскаго избіенія» должна пасть только на полицію, на эту, по выражению корреспонденцій, «озвѣрѣвшую опрічину». Значительнейшая доля этой вины неизбѣжно должна пасть на головы начальниковъ учебныхъ заведеній и родителей забастовщиковъ, а отчасти и начальниковъ города: вѣдь никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что если бы представители старшаго поколѣнія не захотѣли допустить демонстрацію противъ правительства при помощи забастовки школьниковъ, если бы они не захотѣли дѣтей превратить въ слѣпые орудія для заявленія своихъ политическихъ вождѣній; то безъ сомнѣнія не было бы того прискорбнѣйшаго событія, которое разыгралось на улицахъ Курска 12 февраля, не было бы места для незаконныхъ дѣйствій полиціи, не было бы соблазнительного повода къ тѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя совершены были воспитанниками во время забастовки, и не было бы тѣхъ страданій

и мучительныхъ волненій, которымъ подверглись какъ сами юные и неразумные забастовщики, такъ и люди близкіе къ нимъ.

Поэтому свои мысли и соображенія по поводу забастовки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ мы заканчиваемъ тѣми же грозными словами Спасителя, которыя приведены были нами въ началѣ нашей статьи: *горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ...* Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской. (Мате. 18, 6. 7).

3/ маія
1905 г.

